

Д. А. Щербаков

Спор иосифлян и нестяжателей в интерпретации В. О. Ключевского

В статье рассматривается описание и интерпретация спора иосифлян и нестяжателей, данные в трудах В. О. Ключевского. Объясняются исторические причины возникновения этого спора. Прослеживается аргументация Ключевского, объясняющая позиции обеих партий монашествующих в споре о монастырском землевладении. Показано, что интерпретация Ключевского представляет нам диалектическое компромиссное видение проблемы монастырского землевладения, примиряющее позиции противоположных партий.

Ключевые слова: история; Церковь; монастырь; землевладение; вотчина; собственность; Ключевский.

Яркой страницей истории древнерусской мысли является спор иосифлян и нестяжателей по вопросу монастырского землевладения. Тема эта интересна не только своим значением для понимания сложных и очень важных проблем русской истории, но и своим созвучием с проблемами нашего времени, когда заботы века сего и обольщение богатством заглушают доброе семя, посеянное в нас Спасителем, и делают нас бесплодными. В древних страницах далёкого прошлого мы ищем и находим ответы на сегодняшние вопросы и путеводные знаки для собственной жизни. Материальные богатства Церкви и отдельных её членов часто смущают верующих и возмущают неверующих, поэтому тема того древнего спора актуальна и сейчас. Подходя к рассмотрению вопроса, мы помним слова Спасителя: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 19-21). Это прямой завет нестяжательной жизни для всех христиан и тем более для тех, кто идёт путём христианского совершенства – для монахов и пастырей. Казалось бы, откуда и почему могут взяться церковные имущества и попытки оправдать накопление богатств? Монастырское землевладение при поверхностном размышлении кажется несовместимым с иноческим отречением от собственности. «Не можете служить Богу и маммоне», –

читаем мы в Писании. Эта евангельская истина на все последующие времена стала заветом для всех христиан. Но эти слова не означают осуждения богатства и достатка как такового. Благословенны плоды земли и честного труда – пища и питье, одежда и жилища. Нельзя служить богатству, нельзя быть идолопоклонником. Для понимания подвергаемой сомнению позиции иосифлян можно привести слова Ефрема Сирина, который спрашивает: «Что значат слова Писания: Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него (1Тим. 6: 7)? Ответ: Думаю, что этим выражается следующее: Ничего не принесли в мир... ничего не можем и вынести, – потому что всё принадлежит Создателю, а мы – пресельники и пришльцы (Пс. 38: 13). Если есть у кого богатство в руках и достаток, то не полновластный он господин его, а только приставник, ибо получил его от другого, а после него опять оно перейдет в наследство другому, по велению Создателя. Потому надлежит исповедовать милость Давшего» [6, с. 363-364]. Таким образом, уже у древних святых отцов Церкви мы находим ключ к пониманию того, что на самом деле представляет собой земное богатство Церкви и как к нему следует относиться настоящему христианину.

Вопрос о монастырском землевладении и о различных путях его решения, предлагаемых сторонниками и противниками этого явления, достаточно глубоко изучен в отечественной исторической науке. Высказывались различные точки зрения, порой разводящие позиции иосифлян и нестяжателей как противоположные полюсы в «борьбе за и против особого стяжания в виде монастырского землевладения». Но, принимая во внимание то, что и Иосиф Волоцкий и Нил Сорский были причислены к лику святых, а их последователи были верными сынами единой Церкви и, как монахи, все были нестяжателями, стоит интерпретировать их мысли и труды как выполнение одного и того же христианского дела разными способами. Эта точка зрения высказывалась историками Церкви Е. Е. Голубинским, Н. Д. Тальбергом, В. О. Ключевским, А. П. Доброклонским и др. [7, с. 266]. Представляется, что описание и интерпретация этого «спора», данные Василием Осиповичем Ключевским, предоставляют нам именно такое диалектическое компромиссное видение проблемы, примиряющее в сознании потомков острую полемику древних отцов. Попытаемся выделить основные моменты изложения и аргументации Ключевского для составления целостной картины этой страницы истории. Но вначале необходимо высве-

тить те социально-экономические и политические условия, которые породили эту проблему.

В княжение великого князя Московского Ивана III (1462 – 1505 годы) во второй половине XV – начале XVI века в Московской Руси быстро шли процессы собирания русских земель, некогда входивших в Киевскую Русь, и централизации управления. Были присоединены земли Ярославского, Ростовского и Тверского княжеств, земли Великого Новгорода, пермские, вятские и северские земли. В результате этих двух процессов свершилось дело великого исторического значения в судьбе нашего народа – «завершение территориального собирания Северо-Восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное Великорусское государство»[2, с. 466]. Одно из целого ряда других княжеств отождествилось со всей страной.

Оба этих процесса – централизация управления и собирание земель – потребовали увеличения количества подвластных государю служилых людей – представителей класса феодалов, необходимых государству для несения военной и гражданской службы. Это было время зарождения и формирования русского дворянства. Служилого человека князь «испомещал» на землю, то есть давал ему поместье, из чего позже и было усвоено само это наименование – помещик. За службу и на время службы, то есть первоначально не в собственность, а во владение служилому человеку давался двор и участок земли, населённой крестьянами, достаточный для того, чтобы обеспечить служебную годность такого воина – он кормился с этой земли и обязан был справить себе доспехи и оружие, иметь боевых коней и боевых слуг. Таким образом, для обеспечения служебной годности этих ратников, управляющих и посыльных шёл процесс складывания, расширения и развития поместной системы. Этот процесс потребовал увеличения фонда государственных земель, которые великий князь мог бы предоставить служилым людям, чтобы иметь войско. Но проблема была в том, что свободных земель, пригодных для хлебопашества и не принадлежащих вотчинникам, было недостаточно для решения внешнеполитических и внутренних задач Московской Руси. Часть вотчинников – крупных земельных собственников – это бояре, высший слой служилых людей – советники самого князя и воеводы. Но другая часть земель, размером до одной трети всей земельной собственности в государстве, находилась в собственности Церкви, принадлежала

архиереям и монастырям [3, с. 52]. Князю, а значит и всему народу, требовалось справное войско, а около одной трети всех пригодных к ведению сельского хозяйства земель были выведены из государственного оборота и принадлежали монастырям. Кроме этого, монастыри переманивали крестьян у светских землевладельцев льготными условиями жизни и ведения хозяйства [1, с. 246]. Так они отнимали «тяглых и оброчных плательщиков у крестьянских обществ и служилых землевладельцев» [3, с. 52]. Такова была социально-экономическая и политическая почва возникновения проблемы монастырского землевладения.

Другая причина носила духовный характер. Мирские попечения, связанные с крупным землевладением, искажали духовную жизнь монашества того времени и привели в итоге к упадку монастырской дисциплины, ставшей особенно заметной в XVI веке, когда на Стоглавом соборе сам Иоанн Грозный указывал, что теперь «в монастыри постригаются не ради спасения души, а покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать» [3, с. 50]. Это было следствием того, что добрая идея иночества, отречения от мира ради спасения души неясно и неправильно была воспринята значительной частью набожного русского общества. Ключевский писал, что «Общества отшельников, убежавших от мира, мир превратил в привилегированные наёмные молельни о мирских грехах и ломился в мирные обители со своими заказами» [3, с. 46].

Когда одинокий отшельник поселялся в далёкой и глухой пустыне, подвизаясь в посте, молитве и безмолвии, он был свободен от мирских попечений. Но часто потом случалось так, что пустынников находили люди и начинали искать у них окормления, искать их молитв, наставления, советов и утешения. Возникало совместное поселение монашеской братии, члены которой кормились трудом рук своих ровно настолько, чтобы не умереть с голоду. Такой общежительный монастырь, помимо своего основного духовного предназначения, становился хозяйственной общиной, где под общим руководством настоятеля все трудились сообща и каждый ничего не считал своим, но все имели всё общее. «Так помыслы о пустынном безмолвии завершались образованием монашеской земледельческой общины» [3, с. 36]. Постепенно крестьянская колонизация северо-востока страны, шедшая рука об руку с колонизацией монастырской, привлекала крестьян на осваиваемые места под духовное окормление братии. Великий князь жаловал монастырь окрест-

ной землёй, а удельные князья и бояре делали денежные вклады и земельные пожертвования на помин души. На эти деньги не только строили каменную церковь и обустроивали монастырь, но и покупали землю ещё. Возникла также практика делать вклады на пострижения, с тем чтобы после смерти такого прежде богатого постриженника вклад становился поминальным на вечные времена в данной обители. Редкие государи, удельные да великие князья, не постригались перед самой смертью, стараясь этим хоть в последний момент исправить свою посмертную участь. Как правило, при таких пострижениях монастырю делался денежный вклад и завещались земли, населённые крестьянами. Эти крестьяне превращались в монастырских крестьян, работавших не только на себя, но и на монастырь. Так постепенно возникла противоречивая и соблазнительная для души и совести монаха ситуация, когда «инок, полагавший в основу своего подвига смирение и послушание, «еже не имети никоея же своя воля», видел себя членом корпорации, властвовавшей над многочисленным населением монастырских земель», и, давши обет добровольной нищеты, отказавшись от всякой собственности, становился при этом членом богатого сообщества, владевшего обширными землями и другими ценностями, да ещё и жившего трудом других людей [3, с. 46]. В итоге это и привело к упадку монастырской дисциплины, когда в монастырях многие не подвизались, а просто безбедно проживали в покое, беспечности и довольстве.

В результате всех этих причин в конце XV века в церковной среде появились партии сторонников и противников монастырского землевладения. Против выступил постриженник Кириллова монастыря Нил Сорский (в миру Николай Майков, ок. 1433-1508 годы жизни), долго живший на Афоне и основавший первый на Руси скит на реке Соре в Белозерском краю и написавший устав скитского жития [3, с. 53, 583]. Нил и его единомышленники считали, что уединённо живущие отрёкшиеся от мира подвижники должны кормиться трудом рук своих и в пустынном безмолвии подвизаться в непрестанной молитве и внутреннем внимании, достигая чистоты ума и свободы от помыслов, доходя до высшего состояния, когда и словесная и «умная» молитва прекращается и человек пребывает в невыразимом блаженном созерцании. «Содержание внутреннего делания – хранение ума и сердца от страстей» [5, с. 62]. Внешним условием такого духовного делания, кроме пустынного уединения,

является аскетизм, свобода от телесных попечений, удовлетворение только самых насущных телесных потребностей, сведение к минимуму имущества братства и вообще всего, связанного с материальной жизнью. Потому эти заволжские пустынники отвергали землевладение, сопряжённое со «сложным хозяйством и привилегированным хозяйственным управлением, с многообразными житейскими суетами, поземельными тяжбами и запутанными мирскими отношениями» [3, с. 46]. Заволжские старцы не тратили силы и времени на постройку больших и богато украшенных храмов, вместо пышного благолепия храмов, дорогих облачений и икон в дорогих окладах они довольствовались простой деревянной церковью с немногими образами и самой простой церковной утварью. Огороды, которые они сами возделывали, едва давали пропитание для поддержания жизни. Так сторонники Нила Сорского напрямую выполняли завет Спасителя о нестяжании ради спасения души, за что и получили наименование нестяжателей. Они прямо шли путём христианского совершенства, завещанным в совете Христа богатому юноше пойти, продать всё имение своё и раздать нищим, а затем взять свой крест и последовать за Господом. Не принимая никакой человеческой славы при жизни, Нил Сорский не желал и посмертного своего почитания. Он завещал после смерти бросить его тело в ров в глухом лесу на съедение диким зверям, что и было исполнено, поэтому ни могилы, ни мощей преподобного нет. Не было даже составлено жития преподобного Нила.

Другая партия монашествующих оправдывала монастырское землевладение, многообразные вклады и приношения, делаемые мирянами в монастыри, управление крестьянами и использование их труда. В понимании и объяснении их позиции, на первый и поверхностный взгляд противной христианскому учению и интересам русского государства, и кроется вся соль этой историко-философской темы. Интерпретация Ключевского, с трезвым реализмом и тонкостью видения данная на основе учёта разнообразных факторов исторического процесса, предоставляет нам прекрасный образец знания духовной жизни наших предков и тех материальных, экономических, политических и социальных условий, в которых она протекала.

Главой сторонников сохранения монастырского землевладения был основатель Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий (вмиру Иоанн Санин, 1439-1515 годы жизни). Суровую школу ино-

чества он проходил в монастыре Пафнутия Боровского на «родной русской почве». Талантливый церковный писатель, автор книги «Просветитель», он обличал ересь жидовствующих. Историк Р. К. Кузахметов сравнивает Иосифа Волоцкого с былинным богатырём нашей духовной истории, внёсшим «решающий вклад в разгром ереси, поддерживавшейся влиятельными религиозно-политическими и финансовыми кругами Запада, интриги которых способствовали падению Византии» [4, с. 219].

Основная мысль Ключевского есть понимание того, что сторонники монастырского землевладения суть такие же нестяжатели, как и последователи Нила Сорского. Здесь историк высказывает аргумент самого Иосифа Волоцкого, по которому в общежительном монастыре «всё принадлежит монастырю и ничего отдельным монахам» [3, с. 59]. Все монахи дают обет нестяжания, отказа от всякой собственности и все монахи трудятся, выполняя различные послушания. Прекрасный пример нестяжательности и личного труда – жизнь самого Иосифа Волоцкого. Когда он только пришёл и поселился в волоколамском лесу, он не имел ничего своего [3, с. 56]. Живя в основанном им монастыре, преподобный Иосиф «в пище и питии соблюдал меру, ел раз в день, иногда через день», отдавая время, оставшееся после молитвы монастырским службам и ручным работам [3, с. 55]. Ключевский описывает показательный случай, когда сам игумен Иосиф, работая «за другого» инока, сам молот на ручных жерновах зерно. На первых порах, когда мельницы у братии ещё не было, хлеб молот после заутрени сам Иосиф. «Один пришлый монах, раз застав игумена за такой неприличной его сану работой, воскликнул: «Что ты делаешь, отче! Пусти меня», – и стал на его место. На другой день он опять нашёл Иосифа за жерновами и опять заместил его. Так повторялось много дней. Наконец, монах покинул обитель со словами: «Не перемолоть мне этого игумена» [3, с. 56]. Читая такие строки, понимаешь, что нелепо упрекать монахов, живущих в обителях, владеющих землями и сёлами с крестьянами в том, что они живут за чужой счёт. Сами насельники пустынь работали постоянно. Поправляя пошатнувшуюся дисциплину русских монастырей, Иосиф ввёл в своей обители строгое общежитие – такой порядок, когда все монахи и послушники имеют всё общее и трудятся сообща, выполняя каждый своё послушание по распоряжению игумена. Никто ничего не считает своим. Ложки, чашки, одежда, книги, иконы, орудия труда, сами кельи – всё общее.

Всякий монах «гол как сокол» – живёт в отречении от собственности, не привязан ни к чему земному и потому свободен от мирских тревог и попечений. Таким образом, «Вводя строгое общежитие в своём монастыре, Иосиф надеялся исправить монастырский быт и устранить противоречие между иноческим отречением от собственности и земельными богатствами монастырей тем, что в общежитии всё принадлежит монастырю и ничего отдельным монахам» [3, с. 56].

Этот аргумент подвергался едкой критике со стороны Максима Грека, разделяющего взгляды нестяжателей. Он писал, что такая позиция равносильна нелепому оправданию попавшегося в руки правосудия разбойника, который, награбив до этого со своими сообщниками богатство и воспользовавшись им, потом бы отрицал это, говоря, что всё-де осталось у его товарищей. Но эта критика нейтрализуется пониманием той социальной роли, которую монастыри играли в то время. Как известно, в стране не было никаких утверждённых законом и специально финансируемых правительством социальных и благотворительных учреждений типа современных больниц, пенсионного фонда, служб социальной помощи, интернатов, детских домов, домов для престарелых и т. п. Вся заботу о слабых, больных, пожилых, неимущих и потерявших работоспособность людях по традиции и добровольно брало на себя само общество. И если у человека не было семьи, чтобы о нём позаботиться, тогда он шёл по миру. Случайную, временную и недостаточную помощь мог оказать любой милостивец. И в тех исторических условиях именно монастыри становились теми учреждениями, которые могли пристроить, приютить и накормить отчаявшегося человека. Поэтому верна была установка «церковное богатство – нищих богатство» [3, с. 46]. Как отмечает историк Русской Церкви Александр Павлович Доброклонский, в рассматриваемое нами время в монастырях «многие устраивают «странноприимницы» для детей, богадельни, больницы и гостиницы; с некоторых имений, завещанных в монастыри, весь доход употребляется на раздачу нищим и на поминовение жертвователей; в Троицкой лавре установился обычай в известные дни питать на свой счёт всех приходящих богомольцев; особенно выдаётся благотворительность монастырей во время общественных действий» [1, с. 250].

Критикуя сытую и обеспеченную крестьянским трудом жизнь некоторых монахов некоторых обителей, нельзя забывать о благо-

творительности, осуществляемой монастырями. Сам вождь сторонников сохранения монастырского землевладения Иосиф Волоцкий подавал всем другим обителям пример безмерной благотворительности, доходящей до прямого выполнения завета Христа о том, что нет больше той любви, когда кто положит душу свою за други своя. Так, житие его рассказывает о случае, когда во время голода подступило к волоколамскому монастырю до 7 тысяч людей, просящих хлеба. Некоторые из местных побросали перед воротами обители своих детей и разошлись. Иосиф приказал каждый день выдавать голодающим хлеб, а детей собрать и содержать в монастырской странноприимнице. Когда через несколько дней вся рожь закончилась и братия уже начала сильно роптать, говоря, что игумен их всех переморит, Иосиф приказал келарю занимать деньги и кормить голодающих. В итоге про подвиг этих монахов узнали окрестные вотчинники, сам великий князь Василий и московские удельные князья, и они щедро выручили монастырь и местное население [3, с. 47].

Оправдывая позицию «иосифлян», следует также принять во внимание то, что «мир сам лез в монастырь» со своими вкладами, подарками и подношениями. Этого, по сути, хотело само общество и люди получили то, что хотели. И когда богатый человек под старость принимал постриг, делая при этом щедрый вклад в монастырь, это создавало своего рода «церковную семью», когда человек, отказываясь от обособленного частного жития, отдаёт своё имущество в общее владение, а свою волю вручает в мудрое и некорыстное попечение настоятеля, управляющего жизнь постриженника по заповедям Божиим. Это совместное житие подобно Церкви Христовой в первые времена, когда к ногам апостола Петра полагали серебро от проданной земли и никто ничего не считал своим и не было меж ними ни богатого, ни бедного. Но, возражат, что при таких вкладах, если это были земельные угодья, самих крестьян, живущих на них, никто не спрашивал. Однако известно, что положение монастырских крестьян было лучше, нежели положение тех, кто сидел на землях бояр и князей, так как монастыри были освобождены от государева тягла, т. е. от налогов, от «яма, мыта, тамги, городского дела, строения княжьего двора, кормления княжьих коней, княжьего сенокоса и других пошлин» [1, с. 246]. Сам духовный сан новых владельцев предполагал более человеколюбивое отношение к пахарю. Что касается самого Иосифа Волоцкого, то известно, что он многократно

давал наставления и светским и духовным вотчинникам не обирать крестьянина, а давать ему вести зажиточное хозяйство. Причём аргументация Иосифа в общении с землевладельцами строилась на простом хозяйственном расчёте, а не на высоких патетических фразах о человеколюбии – высокие мысли Иосиф хранил в тайниках своей души, не выставляя их напоказ.

В 1503 году состоялся церковный собор, на котором столкнулись мнения иосифлян и нестяжателей в открытой дискуссии. Сам великий князь Иван III негласно поддерживал нестяжателей, поскольку, как мы видели, их позиция была выгодна государству тем, что позволяла сохранять фонд земель для обеспечения служебной годности дворян. Но в результате обсуждения проблемы монастырского землевладения собор в итоге принял сторону иосифлян, и князь смирился с этим. Примечательно, что дело решилось далеко не теми аргументами иосифлян, которые мы уже рассмотрели выше. Иосиф убедил всех примерами из истории восточной и русской Церкви и следующим соображением: «если у монастырей сёл не будет, то как честному и благородному человеку постричься, а если не будет добродетельных старцев, откуда взять людей на митрополию, в архиепископы, епископы и на другие церковные властные места? Итак, если не будет честных и благородных старцев, то и вера поколеблется» [3, с. 57]. Таким образом, дело решило далёкое от аскетики соображение практического характера, имплицитно предполагающее сытое и комфортное жительство в богатых обителях таких вот «честных и добродетельных» монахов, бывших в миру князьями да боярами.

Полемика по вопросу сохранения монастырских вотчин продолжалась, как известно, и после собора 1503 года на протяжении почти всего XVI века. Н. Д. Тальберг отмечает, что «видным сторонником владения монастырями был митрополит Даниил, ученик и преемник преподобного Иосифа по игуменству, красноречивый проповедник и плодовитый писатель» [7, с. 268-269]. Наиболее яркими идейными последователями Нила Сорского были князь-инок Вассиан Косой и пришелец с Афона Максим Грек. Вассиан сочинял резкие обличительные памфлеты, критикующие «хозяйственную суетливость монахов, их угодливость перед сильными и богатыми, корыстолюбие, лихоимство и жестокое обращение со своими крестьянами» [3, с. 58]. Приводит он также и довод, что монахи своими внушениями о спасительности вкладов на помин души сделали

служилых помещиков хуже калек убогих. Максим Грек высказывал свои доводы против монастырских вотчин без полемических излишеств, показывая несовместимость монашеских идеалов и землевладения.

Стоглавый собор 1551 года ограничил рост монастырского землевладения запретом для монастырей приобретать земли покупкой или в дар без царского разрешения, а собор 1580 года вообще запретил покупку вотчин архиереями и монастырями у служилых людей и вообще повелел никак не увеличивать им своих владений. Таким образом, в итоге всё-таки возобладала линия на ограничение монастырского землевладения.

Подводя итоги, мы видим, что описание и объяснение вопроса о монастырском землевладении, данное В. О. Ключевским, является нам разностороннее диалектическое понимание этой проблемы, духовно примиряющее противоположные мнения иосифлян и нестяжателей XV-XVI веков и показывающее вынужденное подчинение обеих партий насущным государственным проблемам того времени.

Литература

1. Доброклонский, А. П. Руководство по истории Русской Церкви. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009. – 936 с.
2. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга I. – Минск: Харвест, 2007. – 592 с.
3. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга II. – Минск: Харвест, 2007. – 592 с.
4. Кузахметов, Р. К. Русская Православная Церковь как государствообразующая сила в отечественной истории X–XVII веков // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2015. – Вып. 2 (4). – С. 215 – 228.
5. Овсянников, П. «Устав» преподобного Нила Сорского как руководство в духовной жизни для современного христианина // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2015. – Выпуск 2 (4). – С. 55 – 72.
6. Преподобный Ефрем Сирий. Избранные творения. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 592 с.
7. Тальберг, Н. История Русской Церкви. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. – 924 с.

D. A. Shcherbakov

The dispute between the Josephites and Nonpossessors in the interpretation of V. O. Klyuchevsky

In article the description and interpretation of a dispute between the Josephites and Nonprofessors given in V.O. Klyuchevsky's works is considered. The historical causes of this

dispute are explained. Klyuchevsky's argument explaining positions of both parties of monks in a dispute on monastic land tenure is traced. It is shown that Klyuchevsky's interpretation presents us the dialectic compromise vision of a problem of monastic land tenure reconciling positions of opposite parties.

Keywords: history; Church; monastery; land tenure; hereditary land; property; Klyuchevsky.

References

1. Dobroklonsky A.P. Rukovodstvo po istorii Russkoj Cerkvi [Guide to the history of the Russian Church]. Moscow, 2009. – 936 p.
2. Klyuchevsky V.O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij. Kniga I. [Russian history. The full course of lectures. Book I]. Minsk, 2007. 592 p.
3. Klyuchevsky V.O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij. Kniga II. [Russian history. The full course of lectures. Book II]. Minsk, 2007. 592 p.
4. Kuzahmedov R.K. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' kak gosudarstvoobrazuyushchaya sila v otechestvennoj istorii X–XVII vekov [The Russian Orthodox Church as the state power in the history of the 10-17th centuries] // Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Orenburg theological Seminary]. 2015, no. 2 (4). P. 215-228.
5. Ovsyannikov P. «Ustav» prepodobnogo Nila Sorskogo kak rukovodstvo v duhovnoj zhizni dlya sovremennogo hristianina [«Charter» of St. Nile Sorsky as a guide in spiritual life for the modern Christian] // Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Orenburg theological Seminary]. 2015, no. 2 (4). P. 55-72.
6. Ephraim the Syrian. Izbrannye tvoreniya [Selecta]. Moscow, 2007. – 592 p.
7. Tal'berg N. Istoriya Russkoj Cerkvi [History of the Russian Church]. Moscow, 2004. – 924 p.